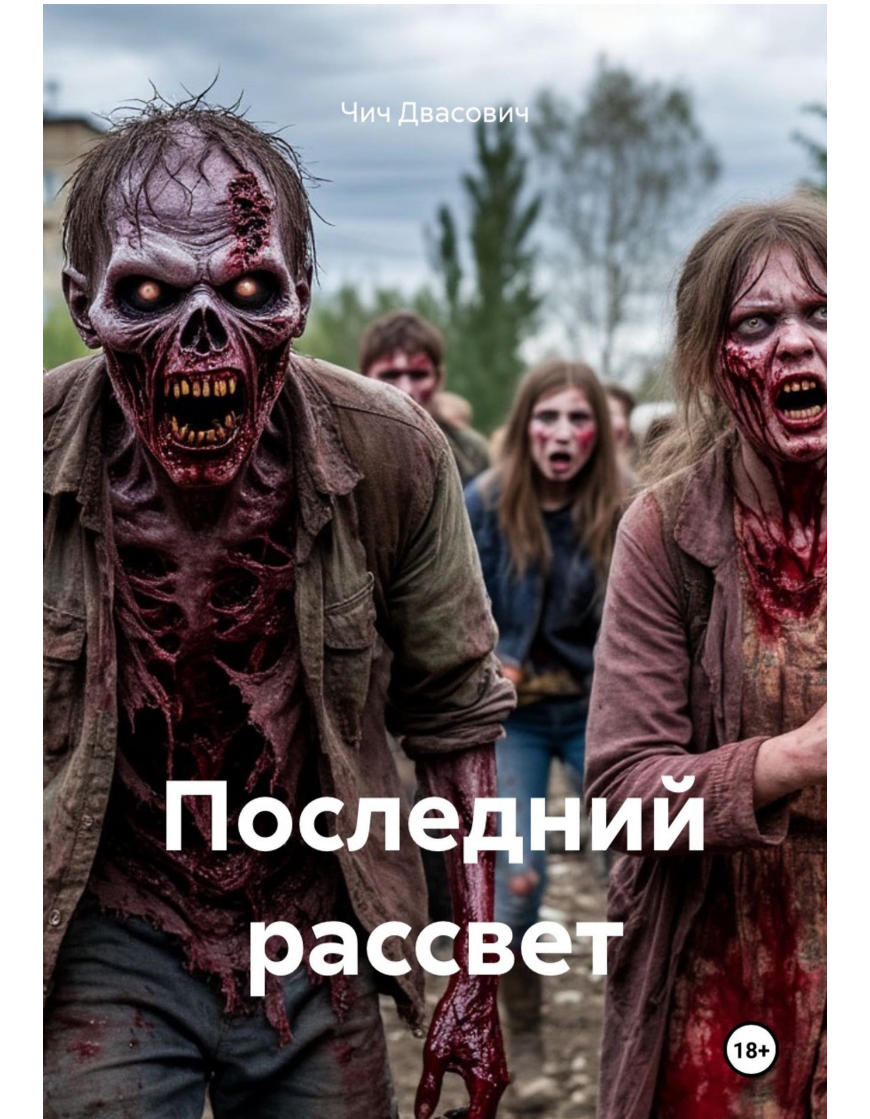

A movie poster for 'The Last Dawn' (Последний рассвет) featuring a horde of zombies. In the foreground, a male zombie with glowing orange eyes and a skeletal face with a bloody wound on the forehead is shown in a menacing pose. To his right, a female zombie with blood smeared on her face and chest is also shown. In the background, other zombies are visible, including one with red face paint. The scene is set outdoors on a dirt path with trees and a cloudy sky in the background.

Чич Двасович

Последний рассвет

18+

Чич Двасович

Последний рассвет

<https://litres.ru/74488022>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Последний рассвет» — это история о конце мира и о любви, которая рождается вопреки всему.

Вирус «Гелиос-9» уничтожил человечество за три дня. Города опустели, улицы наполнились тишиной и шёпотом тех, кто уже не человек, но ещё не зверь. Среди руин выживает Максим Волков — бывший военный медик, потерявший семью и смысл. Его единственная цель — добраться до бункера «Заря», где, по слухам, спрятана вакцина.

В пути к нему присоединяются пятнадцатилетняя Кира, заменившая ему дочь, и отряд выживших: бывший заключённый Гром, сломленный потерей сестры Дима, учительница, ставшая снайпером, Лена, и вирусолог Вера, которая знает правду о происхождении вируса. Между Максом и Леной вспыхивает чувство — осторожное, недоверчивое, но настоящее. Оно даёт им силы идти вперёд, когда надежды почти не осталось.

Но правда оказывается страшнее монстров: вакцина существует, однако её можно активировать только кровью иммунного носителя. И этот носитель — Макс.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Чич Двасович

Последний рассвет

Глава

ПОСЛЕДНИЙ РАССВЕТ

Книга в 4 частях

Роман о зомби-апокалипсисе, любви и жертве

ЧАСТЬ I. ПАДЕНИЕ

ГЛАВА 1. ТИШИНА

День 47-й после Падения

Дождь шёл четвёртые сутки.

Макс сидел на краю крыши шестнадцатизэтажки, свесив ноги в пустоту, и смотрел, как вода стекает по бетону вниз — туда, где когда-то был город. Сейчас там был только серый лабиринт из мёртвых машин, рухнувших балконов и тишины. Такой тишины, от которой закладывало уши.

Он уже привык. За сорок семь дней привыкаешь ко всему.

В кармане куртки лежала последняя сигарета — мятая, отсыревшая. Макс не курил семь лет. Бросил, когда родилась дочь. Теперь дочери не было. Как и жены. Как и города. Как и почти всего.

Он достал сигарету, повертел в пальцах и убрал обратно. Не сегодня.

— Макс.

Голос из радиации — тихий, девчачий, с хрипотцой.

— Я на месте. Чисто.

Он поднёс рацию к губам.

— Сколько?

— Три. Может, четыре. Прячутся в автобусе у перекрёстка.

Макс закрыл глаза. Три-четыре. Немного. Но за последние два месяца он усвоил одну простую вещь: «немного» — это всегда ловушка. Первые всегда приманка. Настоящая стая приходит потом.

— Не подходи, — сказал он. — Жди меня.

— Я и не собиралась.

Он услышал в её голосе улыбку. Кира всегда улыбалась,

даже когда не стоило. Особенно когда не стоило. Ей было пятнадцать, и она потеряла брата на третий день Падения. С тех пор Макс почему-то не мог её бросить — хотя бросал людей и раньше. Всех. Так было проще.

Он поднялся, размял затёкшую ногу и пошёл к лестнице.

Внутри дома пахло сыростью и чем-то сладковатым — тем самым запахом, который ни с чем не спутаешь. Макс шёл по лестнице, держа автомат у бедра, и считал этажи. На седьмом остановился.

Прислушался.

Снизу — шорох. Медленный, влажный. Кто-то волочил ногу. Один. Отставший от стаи или просто бродячий.

Макс прислонился к стене, пропуская его. Через минуту в проёме лестничной клетки показалось существо: бывший мужчина в рваном пиджаке, с вывернутой шеей и лицом, покрытым серой коркой. Оно не заметило Макса. Оно вообще ничего не замечало — просто шло вперёд, к свету из разбитого окна.

Макс поднял автомат. Потом опустил.

Патроны. Всегда патроны. Он достал нож.

Одно движение — и существо осело на пол, дёрнулось и затихло. Макс вытер лезвие о его пиджак и пошёл дальше. На третьем этаже он вышел через подъезд.

Кира ждала его за перевёрнутым фургоном «Почты России» — маленькая фигурка в огромной мужской куртке, с биноклем на шее и рюкзаком, который был почти с неё ростом.

— Ты опоздал на шесть минут, — сказала она без упрёка, просто констатируя факт.

— Задержался. Поздоровайся с дядей в пиджаке.

— Фу.

Она поморщилась, но в глазах мелькнуло что-то тёплое. Страх, который они оба научились прятать за шутками. Так было легче.

— Показывай, — сказал Макс.

Кира протянула ему бинокль. Он присел, выглянул из-за фургона.

Автобус стоял метрах в сорока, наискось перегордив перекрёсток. Двери открыты. Внутри — движение. Медленное, бессмысленное. Трое. Может, четверо.

— И что дальше? — спросила Кира. — Обходим?

Макс молчал. Что-то было не так. Он смотрел не на автобус, а вокруг него. На асфальт. На тротуар. На разбитую витрину магазина справа.

— Смотри, — сказал он тихо. — Следы.

Кира прищурилась.

— Ну, следы. Их же полно.

— Не эти. Вон те. — Он показал пальцем. — От автобуса к магазину. Свежие. Дождь шёл четыре дня, а они не размыты.

Кира замолчала. Потом тихо:

— Значит, кто-то ходил. Недавно.

— Кто-то живой, — поправил Макс. — И он оставил при-
манку.

Он поднялся.

— Уходим. Сейчас.

— А если там люди? — Кира вцепилась в его рукав. —
Вдруг им нужна помощь?

Макс посмотрел на неё. На её лицо — грязное, худое, но
всё ещё детское. На глаза, в которых ещё не умерла надежда.
Он знал, что однажды эта надежда её убьёт. И знал, что не
сможет её отнять.

— Если там люди, — сказал он, — они выйдут сами. По-
шли.

Они двинулись вдоль стены, пригнувшись. Макс шёл пер-
вым, Кира — за ним, держась за его ремень. Так они ходили
уже месяц. Так было безопаснее.

Они почти дошли до угла, когда Кира остановилась.

— Макс.

— Что?

— Смотри.

Она смотрела не вперёд. Она смотрела вверх.

На балконе третьего этажа, прямо над ними, стояла девочка. Лет десяти. В белом платье, испачканном кровью. Она смотрела на них — и не двигалась. Не тянула руки. Не издавала звуков. Просто смотрела.

Макс замер.

— Не двигайся, — прошептал он.

— Она... — Кира сглотнула. — Она же... живая?

Девочка наклонила голову. Медленно. Как птица.

А потом улыбнулась.

Макс почувствовал, как по спине прошёл холод. Потому что он знал эту улыбку. Знал эти глаза. Он видел их раньше — в первые дни, в госпитале, когда вирус только начинал

распространяться. Тогда врачи говорили: «Это новая стадия. Они учатся».

Он схватил Киру за руку и рванул назад.

— Бежим!

За спиной раздался звук — не крик, не рычание. Свист. Такой, будто кто-то звал собаку.

И из магазина, из автобуса, из-за угла — со всех сторон — начали выходить они. Медленно. Спокойно. Как будто ждали.

Как будто знали.

Они бежали три квартала. Не оглядываясь. Макс тащил Киру за собой, сворачивал в переулки, прыгал через остовы машин. За ними — топот. Ровный, уверенный. Стая шла за ними не спеша.

У разрушенного кинотеатра они нырнули в подвал. Макс задвинул дверь железным шкафом. В темноте они оба замерли, пытаясь не дышать.

Кира дрожала. Макс обнял её за плечи.

— Тихо. Тихо, маленькая.

— Что это было? — прошептала она. — Они же не такие. Они не...

— Знаю.

Он прислонился затылком к холодной стене.

— Они изменились. За последнюю неделю. Ты заметила?

Кира кивнула. Потом, помолчав:

— Это конец, да? Нам конец?

Макс долго молчал.

— Не знаю, — сказал он наконец. — Но мы ещё живы.

Он достал из кармана ту самую сигарету. Мятую, отсыревшую. Посмотрел на неё. Потом убрал обратно.

— Завтра пойдём на север. Там бункер. «Заря». Говорят,

там вакцина.

— А если врут?

— Тогда хотя бы проверим.

Он закрыл глаза.

Где-то наверху дождь всё ещё шёл. Где-то далеко — за кварталами, за городом, за горизонтом — был рассвет. Макс не видел его. Но он знал, что тот придёт.

Он всегда приходил.

Даже если его некому было встретить.

ГЛАВА 2. ГОСТИ

День 48-й после Падения

Ночь в подвале тянулась медленно.

Макс не спал. Он сидел у стены, положив автомат на колени, и слушал. Кира спала рядом, свернувшись калачиком на его куртке, положив голову ему на бедро. Она дышала ровно, иногда вздрагивала во сне. Ей снилось что-то плохое. Ему тоже.

Сверху, сквозь толщу бетона, доносились звуки. Шаги. Медленные, тяжёлые. Стая не ушла. Она ходила над ними всю ночь — туда-сюда, туда-сюда. Как часовые.

Это было хуже всего.

Раньше они не умели ждать. Раньше они бросались на всё, что двигалось, и умирали от первой же пули. А теперь... Теперь они стояли наверху и *ждали*. Ждали, когда добыча выйдет сама.

Макс проверил магазин. Двенадцать патронов. Ещё два магазина в рюкзаке — двадцать четыре. Итого тридцать шесть. Против стаи в двадцать, а может, тридцать голов.

Он усмехнулся в темноте. Хорошие шансы. Для самоубийцы.

Кира заворочалась, открыла глаза.

— Они всё ещё там? — прошептала она.

— Да.

— Сколько времени?

— Пять утра. Скоро рассвет.

Она села, протёрла лицо ладонями. В слабом свете, пробивавшемся через щель в двери, Макс увидел, какая она бледная. Худая. Голодная. Последний раз они ели нормально четыре дня назад — консервы из разбитого магазина. С тех пор — только вода и сухари.

— Макс, — сказала она тихо. — Я хочу тебя спросить.

— Спрашивай.

— Почему ты меня не бросил?

Он посмотрел на неё.

— С чего ты взяла, что я думал об этом?

— Все думают, — она пожала плечами. — Я бы на твоём месте бросила. Я медленная. Я слабая. Я ем больше, чем

приношу. Я...

— Кира.

Она замолчала.

— Заткнись, — сказал он мягко. — Ты не обуза. Ты глаза. Ты уши. Ты нашла тот склад с патронами на прошлой неделе. Ты заметила ту девочку на балконе.

— И мы из-за этого чуть не умерли.

— Мы из-за этого *живы*. Если бы мы пошли в автобус — были бы уже мертвы.

Кира помолчала. Потом тихо:

— Спасибо.

— Не благодари. Просто не умирай. Это всё, о чём я прошу.

Она улыбнулась — той самой улыбкой, которая бесила и грела одновременно.

— Договорились.

Они вышли на рассвете.

Макс открыл дверь, держа нож наготове. Лестница была пуста. Он поднялся первым, Кира — за ним, ступая точно в его следы. Наверху, в разрушенном фойе кинотеатра, пахло пылью и старым попкорном.

Стаи не было. Ушли.

— Почему они ушли? — прошептала Кира.

— Не знаю, — Макс нахмурился. — Может, нашли кого-то другого.

Он выглянул через разбитое окно. Улица была пуста. Ни машин, ни тел, ни движения. Только дождь — мелкий, морсящий — и серое небо.

— Идём, — сказал он. — У нас мало времени.

— Куда?

— На север. Через мост. Потом по трассе до «Зари».

— Это далеко?

— Двести километров.

Кира присвистнула.

— Пешком?

— Пешком.

— Круто.

Макс посмотрел на неё.

— Ты ненормальная.

— Я знаю.

Они шли вдоль железнодорожных путей — так было безопаснее. Рельсы уходили на север, прямо к мосту через реку. Макс помнил эту дорогу: раньше здесь ходила электричка, и он ездил по ней на работу. Тогда казалось, что это далеко. Теперь это было далеко по-настоящему.

Через час они наткнулись на первый труп.

Не зомби. Человек. Мужчина, лет сорока, лежал лицом вниз у насыпи. В затылке — дырка. Рядом — пустая гильза.

— Самоубийство? — спросила Кира, отводя взгляд.

Макс присел, осмотрел тело. Перевернул. У мужчины была борода, чистая рубашка, часы на руке — дорогие, уцелевшие. В кармане — фотография: женщина и двое детей.

— Нет, — сказал Макс. — Его убили.

— Почему ты так решил?

— Самоубийцы не стреляют себе в затылок. И не убирают оружие после.

Он осмотрелся. Пистолета нигде не было. Зато в траве, метрах в десяти, он заметил след — отпечаток ботинка. Большой. Свежий.

— Кто-то забрал ствол, — сказал он тихо. — И ушёл.

Кира сглотнула.

— Значит, здесь есть люди.

— Здесь есть *охотники*, — поправил Макс. — Это хуже.

Он поднялся и, не оглядываясь, пошёл дальше. Кира догнала его, схватила за руку.

— Подожди. Мы что, просто уйдём?

— А что ты предлагаешь? Похоронить его?

— Нет, но...

— Кира. — Он остановился, повернулся к ней. — Если мы начнём хоронить всех, кого встретим, мы не дойдём до моста. Понимаешь?

Она молчала.

— Я знаю, что это жестоко, — сказал он мягче. — Но у нас нет выбора. Мы не спасаем мир. Мы просто пытаемся выжить. Это разные вещи.

Кира кивнула. Медленно. Потом отпустила его руку.

— Хорошо.

Они пошли дальше.

К полудню они добрались до моста.

Он был длинный — метров триста — и когда-то красивы: стальные фермы, бетонные опоры, фонари вдоль перил. Сейчас он выглядел как скелет: половина ферм обрушилась, фонари погасли, на асфальте — трещины и брошенные машины.

Но главное — на мосту были люди.

Макс увидел их издалека. Трое. Двое мужчин и женщина. Они стояли у баррикады из мешков с песком и смотрели в их сторону. У одного — винтовка. У другого — дробовик. У женщины — пистолет.

— Назад, — прошептал Макс, хватая Киру за плечо.

— Они нас видят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.